

Абдурахман из Газикумуха

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Саййида Абдурахмана, сына шейха тариката Джамалуддина
ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни

16+

Абдурахман из Газикумуха

Книга воспоминаний

«Автор»

1869

Абдурахман из Газикумуха

Книга воспоминаний / Абдурахман из Газикумуха — «Автор»,
1869

«Воспоминания» о положении жителей Дагестана и Чечни, составленные зятем имама Шамиля и сыном шейха Джамалуддина из Газикумуха Абдурахманом. Абдурахман был вместе с имамом Шамилем и в его последней битве на Гунибе, и в почетном плену в Калуге. Как очевидец Кавказской войны он описал события, быт и людей того времени. (Иллюстрация к обложке - архив полковника Руновского. Сводная лицензия.)

© Абдурахман из Газикумуха, 1869

© Автор, 1869

Содержание

Предисловие	5
КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ	9
Глава 1. О ПЕРВОМ ИМАМЕ В ДАГЕСТАНЕ ГАЗИМУХАММАДЕ ИЗ ГИМРЫ (АЛ-ГИМРАВИ) И О ЕГО ВОЙНАХ С РУССКИМИ	10
Глава 2. О ВТОРОМ ИМАМЕ ГАМЗАТБЕКЕ ГОЦАТЛИНСКОМ (АЛ-ХУЦАЛИ)	17
Глава 3. О ДЕЛАХ ТРЕТЬЕГО ИМАМА ШАМИЛЯ ИЗ ГИМРЫ	20
Глава 4. О НАЗНАЧЕНИИ НАИБОВ И О ТОМ, КАК ОНИ УПРАВЛЯЛИ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Предисловие

Мы располагаем лишь незначительными и неполными биографическими данными о нашем авторе. Полное его имя – саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Кибуди ал-Газигумуки ад-Дагестани. Почетный термин «саййид» и нисба «ал-Хусайни» объясняются принадлежностью к потомкам пророка Мухаммеда и особенно к той их ветви, которая восходит к Хусайну, внуку пророка. Нисба «ал-Кибуди» связана с отдельным кварталом Газикумуха (Къи-буди, ранее – отдельным населенным пунктом). Время его рождения, думается, устанавливается точно. Его отец, Джамалуддин из Газикумуха, на листке одной из арабских рукописей из своей личной библиотеки сделал следующую запись: «Дата рождения Абдурахмана, сына Джамалуддина – ночь на воскресенье, двадцать второго числа благословенного месяца Аллаха шавваль 1252 года». Это, думаю, самая достоверная запись о времени рождения Абдурахмана – 1 февраля 1837 г.

Джамалуддин из Газикумуха был известным дагестанским ученым и преподавателем, духовным наставником Шамиля, одним из авторитетнейших знатоков арабской литературы, занимавшим выдающееся место в духовной жизни Дагестана. Он был одним из ярких сторонников тариката накшубандийского ордена, автором знаменитого суфийского трактата «ал-Адаб ал-мардийа».

В «Предисловии к рукописному сочинению Джамалуддина о тарикате» Абдурахман дает ряд интересных сведений о своем отце и о его деятельности на духовном поприще. «Родитель мой, сеид Джамалуддин-Хуссейни, был родом из Казикумуха. В своей молодости он служил при бывшем казикумухском хане Аслан-хане в качестве письмоводителя. Хан любил его, и за усердную службу его и преданность пожаловал ему три деревни в Кюринском ханстве, под общим именем Астал, и жители этих деревень платили дань моему отцу». Но Джамалуддин вскоре «очнулся от светского забвения», – обратился к Богу с полным раскаянием в своих грехах, в которых он провел прошлую свою жизнь, будучи в услужении у Аслан-хана. Ибо кто проводит время в сообществе тиранов, у того большая часть жизни проходит в согрешениях». Поэтому он посетил Мухаммеада ал-Яраги, от которого принял тарикат и «позволение направлять по этому пути желающих вступить на истинный путь». С этой миссией он вернулся в Газикумух, где «проводил время в уединении, занимаясь молитвами и направлением посетителей его на путь истины». Аслан-хан отрицательно относился к распространению тариката и юридика, потому Джамалуддин вынужден был удалиться в селение Цудахар, откуда вернулся в Кумух только после смерти правителя (1836 г.).

По своим политическим взглядам шейх резко расходился с имамом Газимухаммадом, потому что «не соглашался с последним в его действиях против русских и в возмущении дагестанского населения», тем не менее, он пользовался громадной популярностью, принимал активное участие в идеологической и политической жизни Дагестана.

Джамалуддин находился в близких родственных отношениях с Шамилем. Его дочь Захидат была женой Шамиля («первая дама Дагестана и Чечни»), а его сыновья Абдурахман и Абдурахим были женаты на дочерях имама. После пленения Шамиля Джамалуддин жил некоторое время в Телетле, затем в Казанище. В 1862 г. он переселился в Турцию, где и скончался в 1866 г. в Стамбуле.

О детских годах и учебе Абдурахмана мы не имеем, к сожалению, подробных сведений, но можно предположить, что он получил от отца основательное обще-мусульманское образование, прошел обычный традиционный курс дагестанского мутааллима. В 23-летнем возрасте он оказался вместе со своей женой Нафисат и братом Абдурахимом в составе лиц, сопровождавших Шамиля в Калугу, где провел более 6 лет.

Калужский период жизни Абдурахмана получил в литературе и материалах (особенно в письмах) некоторое освещение. Сохранилась часть переписки его и его брата Абдурахима с их отцом, знаменитым шейхом Джамалудином. «Что касается до нас, то слава Богу, по милости Великодушного нашего Монарха живем в совершенном довольствии и спокойствии, без тоски и печали», – это из письма Абдурахмана из Калуги, отправленного в 1860 г. Этот отзыв типичен и для других писем Абдурахмана и в последующем, как, кстати, и для всех писем Шамиля. Возможно, учитывался постоянный официальный контроль за прохождением писем Шамиля и его окружения.

Представители официальных властей сразу же обратили внимание на образованность, любовь к чтению и способности молодого Абдурахмана, на особое доверие Шамиля к нему. А. И. Руновский отмечал, что «старший брат очень подвержен к своей религии и много интереса находит в чудесах, описываемых мусульманскими книгами, к которым он питает доверие неограниченное. За все за это, а также за великую грамотность, Шамиль питает к нему большое расположение. Гунибская переписка ведена им. Абдурахим так же хорошо развит, как и его брат». Калужский губернский воинский начальник писал о его «способностях и благонамеренности», о том, что при таких достоинствах он мог быть «полезным даже для службы на Кавказе, в качестве переводчика, или состоять при местном управлении Т-Х. Шура». Он довольно свободно мог говорить, писать и читать на русском языке, хорошо знал мусульманское право, обычаи дагестанских горцев.

Однако неблагоприятные климатические условия Калужской губернии, прогрессирующая болезнь жены побудили Абдурахмана обратиться к официальным властям с просьбой «позволить ему с женой переехать на жительство на Кавказ и поселить ее близ Т-Х. Шуры, места ее родины». Наступившая в 1866 г. смерть жены Нафисат ускорила отъезд Абдурахмана в Дагестан. Похоронив жену в селении Гимры, он не вернулся в Калугу, а выехал в Тифлис, где был зачислен в Дагестанскую постоянную милицию, «с откомандированием в команду милиционеров Кавказского горского управления»

Кстати, здесь он продолжал свою успешно начатую еще в Калуге работу над материалами о Шамиле и народно-освободительном движении, здесь же подготовил к печати работу своего отца «Ал-Адаб ал-мардийа», снабдив ее предисловием. В год выхода в свет этого трактата Абдурахман завершил в Тифлисе свою крупную историческую работу, известную под названием «Воспоминания». В 1871 г. он возвращается в Дагестан, вернее «был откомандирован от горского управления в распоряжение начальника Дагестанской области, с назначением ему пожизненной пенсии по 450 р. в год»

Сведения о пребывании Абдурахмана в Дагестане, начиная с 1871 г. очень скудны. Имеется сообщение о том, что еще в 1890-1891 г. он занимал должность кадия в Газикумухе. Годом его смерти считают 1900 или 1901 г.

Творчество Абдурахмана вызывает все растущий интерес ученых.

Что касается «Воспоминаний» Абдурахмана, то впервые об этом крупном историческом труде сообщил известный дагестанский ученый, блестящий знаток дагестанской арабоязычной литературы М.-С. Саидов (1902-1985) который выполнил в 1963 г. перевод сочинения с арабского языка на русский (за исключением вводной и заключительной частей, одной небольшой главы и вставок на полях рукописи). Перевод не был снабжен историческим комментарием. Попытки издания перевода в 1976 г. не увенчались успехом «благодаря» активной, достойной лучшего применения деятельности некоторых административных и партийных руководителей Дагестанского филиала АН СССР, воинственно оберегавших «идеологическую чистоту» научных трудов, особенно тех, что готовились на секторе востоковедения, от «тлетворного влияния реакционной исламской литературы».

В 1976 г. вышла статья В. Г. Гаджиева, посвященная жизни и творчеству Абдурахмана, характеристике и источниковедческому анализу его «Воспоминаний». Здесь мы находим

обстоятельное исследование биографических сведений об авторе, его исторических сочинений, обзор источников, которыми пользовался Абдурахман в своих «Воспоминаниях», структуры и основного содержания сочинения, исторических взглядов автора; исследователь дает также и свою оценку идеологии мюридизма. В статье указывается, что «к данным сочинениям Абдурахмана читателю следует подходить осторожно» и что «произведения Абдурахмана требуют к себе сугубо критического, классового подхода, использования всего арсенала источниковедческих методов для выявления достоверности сообщаемых фактов». Особенно это относится к необъективным, нелестным отзывам об отделенных дагестанских селениях, характеристике отдельных обычаев, не всегда приятных для их носителей.

Тем не менее, нельзя отрицать, что основная часть сведений, зафиксированных в «Воспоминаниях», отличается своей точностью, правдивостью, нередко – уникальностью. Историко-этнографический контекст, «взятый на вооружение» автором, не имел в дагестанской арабоязычной литературе продолжения, если не считать «Хуласат ат-тафсил» самого же Абдурахмана, созданный им в Калуге.

Как указывалось выше, «рукопись автограф – это единственный известный нам экземпляр «Воспоминаний» Абдурахмана, он хранится в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра. Обстоятельства приобретения рукописи в инвентарной книге не отмечены. Однако имеется сообщение о том, что «автограф воспоминаний Абдурахмана приобретен Институтом ИЯЛ Даг. филиала АН СССР у сына известного арабиста Али Каяева». Источник этого сообщения не указан, но, скорее всего, это записано со слов М.-С. Саидова, который хорошо знал историю рукописи. Неизвестно нам также и время приобретения «Воспоминаний».

Если сравнить наш текст с текстом другого сочинения Абдурахмана – «Хуласат ат-тафсил», то нетрудно обнаружить значительные различия в области лексики и в форме изложения материала. В «Воспоминаниях» практически нет слов, заимствованных из русского языка, как это имеет место (и довольно часто) в «Хуласат ат-тафсил». Нет ни одной стихотворной вставки, так обильно представленных в другом сочинении, как и тематических отступлений, плохо связанных с основным материалом. Арабский язык, как правило, не представляет особой трудности для перевода, исключая несколько последних страниц, написанных вычурным, чрезмерно образным языком, не всегда понятным, что делает перевод иных мест проблематичным.

Мощный взлет исторической литературы середины XIX в., вызванный грандиозными народно-освободительными движениями, был явлением закономерным. «Эпоха Шамиля выдвигает, по-видимому, впервые в арабской литературе Кавказа ряд крупных исторических хроник местного происхождения». Количество этих сочинений значительно, если иметь в виду литературу предыдущих столетий. Как по числу сочинений, так и по всей информативности, «отзывчивости» на события «Шамилевский цикл» не знает себе равных ни до, ни после XIX в. Он стал крупным, новым явлением дагестанской арабо-язычной литературы, не получившим, к сожалению, развития, хотя последующие события (в частности, восстание 1877 г.) не уступали по своей грандиозности и территориальному охвату событиям 20-50-х гг. XIX в.

К числу известных в науке исторических сочинений, посвященных народно-освободительному движению XIX в., относятся:

1. «Хуласат ат-тафсил ан ахвал ал-имам Шамиль» («Резюме подробного изложения о деяниях имама Шамиля») Абдурахмана из Газикумуха. Это сочинение, одинаково интересно «и для биографии Шамиля, и для бытовой картины России в начале 60-х годов». Речь идет о так называемых записках Абдурахмана. Как отмечал И. Ю. Крачковский, «они носят определенный характер, усугубляющийся тем, что автор значительно русифицировался во время долголетнего пребывания в Калуге».

2. «Барикат ас-суйуф ал джабалийа фи ба'д ал-газавал аш-шамилыйа» («Блеск горских сабель в некоторых шамилевских газаватах») Мухаммадтахира ал-Карахи (умер в 1880 г.). Это

наиболее крупное историческое сочинение среди созданных в XIX в. и освещающих народно-освободительное движение 20 – 50-х гг. XIX в.

3. «Воспоминания» Абдурахмана из Газикумуха, которым посвящена настоящая работа.

4. Гаджи Али. «Сказание очевидца о Шамиле» , Имеется только русский перевод, выполненный Г. А. Подхалюзиним, арабский оригинал или же иной список не обнаружены.

5. «История» Курбана из Ашильты. Арабский подлинник также не обнаружен.

6. Исхак из Урмы. «Эпоха Шамиля». Арабский подлинник также не обнаружен.

7. Калил из Ангида. «Ал-Хабар» . Полное название сочинения: «Ал-хабар фит тарих ал-махалли». Арабская рукопись хранится в коллекции М.-С. Саидова, переданной им в дар Институту истории, археологии и этнографии. Перед нами рассказ о событиях в Дагестане в середине XIX в., прежде всего о деятельности Шамиля и о восстании 1877 г.

8. «Китаб фи байан шаджаат ал-батал Хаджимурад» («Книга о храбрых поступках героя Хаджимурада»). Автор не указан. Сочинение небольшого размера, на арабском языке.

9. «Ал-Вакаи вакаат фи-д-Дагестан ба'д хабс имам Шамуил» («О событиях в Дагестане после пленения Шамиля»). Небольшой арабский текст, автор которого не указан.

10. «Зикр ахвалат Гази Молла Авари» («О деяниях Гази Молла Авари») Мирза Джабраила, сына Исрафила Дербенди Суперхи . Сочинение написано на азербайджанском языке и состоит из трех частей: «О делах Гази Молла Авари», «О выступлении Гамзата Авари после Гази Молла и рассказ о деяниях Хаджимурада Хунзахи», «О выступлении Шамиля после смерти Гамзата и рассказы (о) Хаджимураде». Текст датирован 1893 г.

11. Исторические очерки Гайдарбека из Геничутля.

Ознакомление с сохранившимися историческими сочинениями показывает, что самые крупные описания событий середины XIX в. принадлежат Абдурахману из Газикумуха и Мухамедтахиру ал-Карахи, сподвижникам и секретарям Шамиля.

Три года (1994) назад ученый совет Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН поручил отделу восточных рукописей подготовить перевод М.-С. Д. Саидова к изданию (сверка перевода с оригиналом, дополнительный перевод пропущенных мест и научное комментирование). Работа эта выполнялась сотрудниками отдела Х. А. Омаровым (гл. IV, XVII, XVIII) и А. Р. Шихсаидовым (гл. I – III, V – XVI, XIX – XX). Была проведена тщательная и полная сверка с оригиналом, внесены соответствующие уточнения (иногда существенные) и дополнения в перевод, вполне понятные, если иметь в виду, что первоначальный вариант перевода был выполнен около 30 лет тому назад, а позже не подвергался, по существу, уточнениям.

А. Р. ШИХСАИДОВ.

АБДУРАХМАН ИЗ ГАЗИКУМУХА

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Саййида Абдурахмана, сына шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Сочинено и написано в Тифлисе в 1285 (то есть в 1869) году

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. К нему мы обращаемся за помощью и на него уповаем. Хвала Аллаху, господу миров, и мир щедрым посланникам.

Эти «Воспоминания» («Газкира») о положении жителей Дагестана и Чечни. Составил их саййид¹ Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ад-Дагестани по поручению средоточия достоинств и заслуг начальника Кавказского (Горского) управления в 1868 году по христианскому летосчислению нашего возлюбленного, уважаемого начальника, его превосходительства генерал-майора Дмитрия Семеновича Старосельского, славу которого нет необходимости описывать.

Я разделил книгу на отдельные главы и заключение и хочу, чтобы они были полезны уважаемому читателю через подробное познание положения двух упомянутых выше вилайатов.

---

¹ Саййид (сейид) – почетное прозвище потомков пророка Мухаммеда.

Глава 1. О ПЕРВОМ ИМАМЕ В ДАГЕСТАНЕ ГАЗИМУХАММАДЕ ИЗ ГИМРЫ (АЛ- ГИМРАВИ) И О ЕГО ВОЙНАХ С РУССКИМИ

Появился он² в селении Гимры в тысяча двести сорок девятом году хиджры Мухаммада, что соответствует 1832 году от рождения Христа, божьего духа Иисуса. Да будет мир с обоими.

Родился он в 1794 году от отца из Гидагтя, и матери из Гимры, где он и вырос. Обучался он наукам в селениях Дагестана и на равнине³. Когда он завершил учебу, вокруг него сгруппировались искатели знаний из разных селений. Среди них был его любимый друг Шамиль, (который жил по соседству, и смолоду они знали друг друга и привыкли друг к другу, как родные братья) (Добавлено сверху).

Газимухаммад любил читать книги по шариату и изрядно их знал, по тафсиру⁴ и жизнеописанию Мухаммада. Есть книги, переписанные его рукой, (его) комментарии к тексту на полях его книг. Он считался одним из крупных алимов, набожных, воздержанных людей, храбрых, известных щедростью. Щедрость его выражалась, например, в том, что он никогда не брал из казны денег во время своего имамата.

Когда он достиг совершенства в науках, он пожелал войти в тарикат накшбандийа-халидийа. Этот тарикат (орден) берет свое начало от известного шейха Халида ас-Сулеймани. Этот орден был тайным, повелевавшим жить вдаль от людей и скрыто славословить Аллаха и совершать другие поклонения. (Об этом я написал в книге) (Запись на поле, слева. Не ясно, о какой книге идет речь).

С этой целью Газимухаммад отправился со своим учеником Шамилем к моему отцу саййиду Джамалуддину ал Хусайни Газикумухскому (Газигумуки) Дагестанскому⁵, который являлся тогда наставником (устаз) ордена накшбандиев, с иджазой⁶ от имени его шейха Мухаммад-афанди Ярагского Кюринского (ал-Курали),⁷ который похоронен в селении Согратль рядом с Сурхай-ханом Газикумухским, (который сражался с русскими) (Записано на поле, с левой стороны).

---

² Газимухаммед (11794-1832 гг.) – первый имам Дагестана и Чечне, руководитель народно-освободительного движения. Происходил он из аварских узденей. Известный дагестанский ученый Мухаммадтаhir ал-Карахи писал: «Он, ученый, укрепленный небесной милостью на прямом пути, – Гази Мухаммад ал-Гимрави ад-Дагестани, – да будет свята душа его. Он призывал их к обязательности шариата, действиям в соответствии с ним и к отстранению обычаев адата и оставлению их». Организатор многих военных акций против царских войск. Газимухаммед был автором известного в ученых кругах того времени трактата «Бахир ал-бурхан ли-иртидад урафа'е ад-Дагестан» («Блестящее доказательство об отпадении (от ислама) старейшин Дагестана») с резкой критикой адатов, в защиту норм шариата. Убит в 1832 г. см.: Имам Гъазимухаммад. Махачкала, 1992.

³ «В селениях Дагестана и на равнине», – в данном случае имеются в виду аварские и кумыкские земли.

⁴ комментарий к Корану

⁵ Джамалуддин Газикумухский – шейх Накшбандийского братства в суфизме, духовный наставник Шамиля, отец автора «Воспоминаний» Абдурахмана Газикумухского. Родился в Газикумухе, умер в Стамбуле (в 1866 г.), где и похоронен. Его книга о сущности суфизма, морально-этических нормах суфия, взаимоотношениях шейха (муршида) и мюрида под названием «Ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарикат ан-накшбандийа» издавалась неоднократно (Порт-Петровск, 1905; Темир-Хан-Шура, 1908, Оксфорд, 1986). Перевод на русский язык также издавался в Тифлисе в 1869 г., а перепечатка была сделана в Оксфорде в 1986 г. Переводы сильно отличаются от арабского текста.

⁶ Иджаза – разрешения на передачу знаний о тарикате своим ученикам

⁷ Мухаммад-эфенди ал-Яраги (Ярагский) – ученый, поэт, шейх Накшбандийского братства, один из последовательных и энергичных проповедников накшбандийа в Дагестане. Родился в 1772 г. в Юхари-Яраге, ныне урочище в Магарамкентском районе, умер в 1838 г. в селении Согратль, где и похоронен. Его медресе в Юхари-Яраге пользовалась огромной популярностью, в нем учились Газимухаммед и Шамиль. Имам Газимухаммед был женат на дочери Мухаммада-эфенди – Хафсат. Принимал активное участие в народно-освободительном движении. Автор большого числа широко известных работ, в том числе и «Авар аш-шейх ал-Яраги», изданной в Темир-Хан-Шуре в 1910 г. Имеется краткий биографический очерк ал-Яраги на арабском языке, написанный его сыном. Подробно о нем: Агаев А. Г. Магомед Ярагский, Махачкала, 1996.

Мой отец до вступления в орден нахшбанди, был секретарем генерал-лейтенанта Аслан-хана Газикумухского⁸, у которого пользовался авторитетом. Через некоторое время мой отец раскаялся о прошлом, молился Аллаху и бросил дружбу с Аслан-ханом, проснувшись от заблуждений, и принял от Мухаммада из Ярага посвящение в орден.

Он ушел в уединение. Это было при жизни Аслан хана. Когда Аслан-хан заметил, что люди начали стекаться к моему отцу со всех концов, он испугался, что орден распространит свое учение и мюридизм в его владениях, (что люди отвернутся от него) (Эти слова под строкой). Когда недоброжелатели моего отца узнали об опасениях Аслан-хана, они начали способствовать ухудшению отношений между ним и его подданными, и Аслан-хан выгнал кюринца Мухаммада афанди из его места. Первый отправился в Балахан, где жил некоторое время, а отец мой в селение Куппа – один из цудахарских аулов, боясь за себя.

Аслан-хан неоднократно намеревался навредить ему (моему отцу), но Всевышний (Аллах) сохранял его от зла. Аслан-хан затребовал к себе известного ученого в Дагестане Саида-афанди Араканского⁹, чтобы получить юридическое разрешение уничтожить моего отца.

Однажды привели моего отца к Аслан-хану, чтобы убить. Мой отец, опираясь на посох, встал перед ним. Аслан-хан побледнел, встал с места, будто запуганный, ушел в комнату (худжра), говоря: «Отпустите его домой и не чините ему никакого вреда. Подлинно, я видел его десять пальцев, они сверкали как светильники, когда он встал передо мной».

Другой раз Аслан-хан спросил отца моего: «Люди говорят, что ты достиг степени святого, и что ты обладаешь чудом святых. Если это правда, покажи мне чудо, чтобы я признал (это)». Мой отец ответил, что он не является святым, а есть божий раб, и лучше его оставить в покое.

Аслан-хан тогда говорит ему: «Если не покажешь свое чудодействие, то я убью тебя».

Когда отец мой увидел, что Аслан-хан не оставляет его в покое, он позвал одного из приближенных Аслан хана на дорогу города Казикумуха (Газикумук), по которой ходят скот и люди, начертил своей тростью посередине дороги четырехугольник и заявил, что это могила женщины Райханат, которая умерла мученицей в давнее время, и тело ее не истлело, и саван на ней такой-то.

Представитель Аслан-хана засмеялся и сказал (тогда моему отцу) (Добавлено над строкой): «Как может быть могила человека на свалке? Если это окажется неправдой, Аслан-хан убьет тебя».

В это время один из мюридов отца подвел быка и сказал: «Если здесь могила, то зарежьте быка в жертву душе Райханат». Человек начал копать в том месте, которое указал мой отец.

Мой отец указал ему (то есть тому, кто копал) размер глубины могилы; когда дошли до могильной ниши, увидели (труп) женщины, свежий, ни один член ее не истлел. Волосы были целы, голова будто она положила ее только что. Тогда приближенный хана удивился, увидев это чудо и не мог выговорить ни слова. А мюрид с радостью и огромным удовлетворением тотчас зарезал быка над могилой.

Представитель передал (все это) Аслан-хану, который признал чудодейственность (карами), которую он постоянно отрицал. Тогда он оставил в покое отца и оказал ему почести.

---

⁸ Аслан-хан Газикумухский (1812-1837), сын Шахмардана. С 1812 г. – хан Кюринский, а с 1827 г. – хан Газикумухский и Кюринский и номинальный правитель Аварии.

⁹ Саид Араканский (1764-1834) – известный в Дагестане и за его пределами ученый, руководитель медресе в селении Арагани, где учились многие будущие участники движения Шамиля, в том числе Мухаммад ал-Яраги и все три имама. Крупный знаток арабской литературы. В медресе у него преподавались фикх, логика, философия, астрономия, языки. Он же являлся автором трудов по истории религии и грамматике арабского языка. Сохранилась богатая переписка Саида Араканского. Он был обладателем крупнейшей и богатейшей в Дагестане книжной коллекции. Саид Араканский был противником активных военных действий против царских войск, пропагандировал «мирное решение» взаимоотношений с Россией.

Об этом случае узнали и в других селениях, и люди начали стекаться к отцу со всех сторон больше, чем раньше, а могила мученицы стала посещаться, (но на некоторое время, а затем была заброшена) (Добавлено на поле, слева).

Таких чудес у нашего отца много, мюриды его знали об этом. Мы здесь о них не упоминаем во избежание многословия.

Каждый святой угодник имеет свой дар чудес, в этом нет сомнения, (точно) как и пророки имеют способность творить чудеса. Эти установления истины стойкие, и все мусульмане убеждены в этом.

Однако (вот уже триста лет) (Добавлено слева, на поле) богоугодники (авлийа) стали жить скрыто, теперь они не проявляют себя, как об этом пишут в исламских книгах.

Благодаря вышеупомянутому чуду и божественной мудрости мой отец уцелел и избавился от зловредности тирана Аслан-хана и достиг своей цели. Хвала Аллаху, который возвышает своего раба.

Вот так рассказал мне (все мой отец) лично.

Когда Газимухаммад в первое свое посещение пришел к моему отцу и вошел в его комнату со своими товарищами, а перед тем, как войти в комнату, сказал ему: войди первым в комнату и сядь возле него (отца), а я сяду рядом с тобой и буду испытывать его, знает ли он таинственный (мир), как об этом говорят, или нет. Товарищ вошел первым, приветствовал моего отца и сел возле него, как поручил ему Газимухаммад. Когда отец мой увидел Газимухаммада, то сказал: «Добро пожаловать, о Газимухаммад», взял его руку, посадил рядом с собой, говоря: «Место, которое ты заслужил (вот) это, а не рядом со своим товарищем». Мой отец раньше никогда не видел его. Газимухаммад был поражен прозорливостью моего отца и сказал: «Откуда знаешь, что я Газимухаммад?»

Тот улыбнулся и ответил: «Разве не написано в наших книгах: «Берегитесь прозорливости правоверного, так как он смотрит божьим оком и видит все, что есть в мире видений». Разве ты сомневаешься в том, что я правоверный?»

Газимухаммад воздержался от ответа и признал прозорливость (моего) отца. Затем мой отец обратился к его товарищу и сказал: «Твое повиновение отцу, которого ты покинул, угодное Всевышнему Аллаху, чем посещение меня хотя бы сто раз». А этот человек был именно таким. Услышав слова моего отца, он был удивлен, а Газимухаммад еще более изменился в лице.

И вернулся оттуда Газимухаммад к себе домой, получив тарикат от моего отца, удалился в уединение, как было ему велено, в келью, построенную для него на окраине Гимры. Некоторые люди начали убегать к нему. Так прошло некоторое время. Он навещал наставника (шейха) моего отца Мухаммада-афанди Кюринского, как и моего отца, и также принял от него (Мухаммада афанди) тарикат. И афанди велел ему то же, что и сам мой отец, то есть уединение. Через некоторое время Газимухаммад сделался другом Мухаммада-афанди и женился на его дочери.

В это время в голове Газимухаммада зародилась мысль, подогревавшая к борьбе за веру (джихад) это итог долгих размышлений над жизнеописанием пророка (сира) и Корана, аяты, которого призывают к джихаду с врагами. Газимухаммад посоветовался с Шамилем по этому вопросу и сообщил моему отцу свои намерения. Мой отец не согласился с его решением по двум причинам: во-первых, он точно знал, что джихад Газимухаммада с русскими долго не продлится, (его) конец обязательно рано или поздно придет. Кроме того, область (вилаят) Дагестан была свободна от русских войск, забыта ими. Если же Газимухаммад или другой поднимется, несомненно, русские войска придут со всех сторон, и Дагестан превратится в место жительства русских.

Вторая причина: тарикат, который принял Газимухаммад от моего отца, не велит вести джихад, так как он (джихад) (признает) только упоминание Аллаха Всевышнего (зикр), не более.

(Мой отец) написал ему письмо, содержание которого заключалось в следующем:

«Совершенный ученый мюрид Газимухаммад, если ты вступишь на путь накшбендийских наставников, настоятельно тебе нужно неотступно уйти в уединение и многократно славословить Аллаха и наставлять тех, кто тебя навестит, тому, что ты знаешь. Тебе нет нужды толкать людей на смуту и гибель. Известно, что смуты без конца будут продолжаться, если ты начнешь дело, которое ты хочешь».

Когда Газимухаммад прочел письмо моего отца, ему это не понравилось, он не отказался от своего намерения начать джихад. Тогда он писал вторично письмо шейху Мухаммаду Кюринскому, который был полон гнева на Аслан-хана Газикумухского за выселение его из родных мест и приложил к письму стихи из Корана о джихаде; подобно стиху: «Пророк, решительно войди с неверными, с лицемерами и будь жесток к ним» (66:9) и другие такие же аяты.

С этим своим посланием Газимухаммад отправил также и письмо моего отца.

Содержание письма Газимухаммада к шейху Мухаммад-афанди, после подобающего приветия и пожелания, (заключалось в том), что: наставник Джамалуддин запрещает мне в прилагаемом письме борьбу за веру, в то время, как Всевышний Аллах, согласно упоминаемым благородным аятам, призывает (к борьбе), какому из этих двух (высказываний) мне повиноваться? Шейх ему ответил: «Велению Аллаха целесообразнее повиноваться, чем распоряжению Джамалуддина. Но ты выбери то, что считаешь нужным».

Кюринский шейх, зная, что Аслан-хан враг мюридов, и особенно Сурхай-хана Газикумухского, который воевал с русскими и изгнал Аслан-хана из Газикумуха, разрешил Газимухаммаду джихад, полагая, что если он (Газимухаммад) захватит его владение Газикумух, то выгонит Аслан-хана из страны, подобно тому, как он сам был изгнан из своего селения. Если бы Аслан-хан обошелся с людьми более учтиво после изгнания шейха и попрания его авторитета, шейх не разрешил бы ему джихад. Тем более, что Газимухаммад всегда повиновался ему. А народ остался бы и поныне в спокойствии. Газимухаммад с того времени начал запрещать людям употреблять опьяняющие напитки, курить табак, играть на бубне и танцевать с женщинами (хотя это разрешается в книге «Шарх аль-Мухаззаб») (Добавлено слева, на полях), а что касается вообще танца, то он не запрещен для мужчин (в нашем шариате) (Добавлено слева, на полях). Если в нем есть жеманства, как это делают похожие на женщин мужчины, то это тоже запрещено.

Часть людей подчинилась Газимухаммаду и последовала за ним; другие же не соглашались с ним, считая все это слишком суровым. Его помощником тогда сделался его друг и ученик Шамиль. Газимухаммад настойчиво начал добиваться своей цели. Однако один гимринский ученый по имени Даудилав стал самым ярким противником Газимухаммада и делом и словом. У Даудилава в селении Гимры был тухум, и опираясь на мощь своего тухума, он причинял Газимухаммаду много неприятностей.

Этот ученый имел дружеские связи с эмиром Уллубием Эрпелинским (ал-Ирфили) и шамхалом Таркинским (ат Таргули), которые препятствовали Газимухаммаду во введении шариата. Даудилав многократно ходил к ним, клеветая на него, и просил у них помощи для изгнания Газимухаммада, из Гимры, на что те дали свое согласие. Уллубий выступил против Газимухаммада, но некто известил его до того, как Уллубий дошел до Гимры. Даудилав тоже находился с Уллубием (Добавлено слева, на полях). Газимухаммад с мюридами приготовился встретиться с Уллубием.

Когда Уллубий с отрядом поднялся на вершину горы, откуда видно Гимры, Даудилав поспешил в селение и был задержан и опрошен о поведении его и о цели пребывания у Уллубия. Даудилав испугался и не смог ответить.

Мюриды били его так, что он без сознания рухнул на землю, они растоптали его ногами и умертвили. Тогда родственники Даудилава выступили против Газимухаммада и Шамиля; когда Шамиль возвращался оттуда, один из двоюродных братьев Даудилава подкрался с обнаженным

кинжалом к Шамилю, чтобы ударить его, а он ничего об этом не знал, но мюрид Газимухаммада заметил его и, встав за ним, крикнул: «Смотри позади себя». Обернувшись, Шамиль увидел его и ударил нападавшего в спину, свалил на землю и выбил из его рук кинжал. Шамиль наступил ногой на него и сказал: «Негодяй ты, враг божий. Кто защитит тебя от меня теперь? Убить тебя или нет?» Затем Шамиль простил его, и он был передан как арестованный и они поселили его. Когда весть о случившемся дошла до Уллубия, он повернул свой отряд назад. С того дня жители аула Гимры начали бояться Газимухаммада больше, чем раньше, так что он подчинил их быстро, и после этого ему уже не противоречили. Газимухаммад запретил им употребление недозволенных и порицательных вещей, таких как выпивка и т. д.

После окончательного подчинения жителей этого селения Газимухаммад отправился в окрестные Гимры селения

Рассказ об угоне Газимухаммадом стада овец из селения Каранай (Записанный на полях)

Когда воины Газимухаммада угнали овец из этого селения, они попросили его распределить добычу поровну. Газимухаммад сказал им: «Какой раздел вы желаете: Всевышнего Аллаха или людской?» Они ответили: Всевышнего Аллаха, полагая, что это будет более справедливым делом. Тогда Газимухаммад начал так: одному две овцы, второму три, следующему четыре. По окончании раздела Всевышнего Аллаха он сказал: «Вот это и есть раздел Всевышнего Аллаха».

Тогда воины ответили: мы не хотим такого раздела. Тогда разделили поровну.

Люди стали приходить к Газимухаммаду целыми группами со всех сторон. Когда дела Газимухаммада окрепли и войско его увеличилось, он двинулся против русских. В расположенном выше Темир-Хан-Шуры лесу, называемом Агачкала, а это на кумыкском языке (Букв.: «на языке равнины») означает «укрепление, возведенное посредством деревьев» («деревянное укрепление»), произошло столкновение между ними. Отряд Газимухаммада укрепился в лесу завалами деревьев; оба отряда потеряли в этой местности по несколько человек убитыми, после чего они разошлись по своим местам.

Через некоторое время Газимухаммад направился к крепости Тарки (Таргу)¹⁰ и осаждал ее несколько дней. Русские ушли из крепости и обманули войска мюридов, заложив порох в тайниках. Когда войско Газимухаммада вошло в крепость со всех сторон, то крепость взорвалась и мюриды взлетели в воздух. Мне рассказывали очевидцы, которые были тогда с Газимухаммадом, что руки и ноги людей взлетали в воздух и падали обратно на землю.

Пороховой погреб нанес войскам мюридов великий ущерб. Войска Газимухаммада вернулись. Затем, через некоторое время, они отправились в город Эндирей, осадили его, и через несколько дней покорили его население.

Через некоторое время Газимухаммад напал на крепость Кизляр. Отряд вернулся оттуда с пленными, убитыми, огромным награбленным имуществом их (то есть жителей Кизляра).

В то время, когда дела Газимухаммада постепенно начали идти в гору, он пал мучеником в Гимринской теснине, окруженной большим отрядом корпусом барона Розена, того самого, кому Шамиль написал во время своего имамства нижеследующее письмо: «От нуждающегося во Всевышнем Аллахе Шамиля его превосходительству, высокому саном, владельцу многих войск и богатых краев, вали области Дагестан, великому барону Розену. Затем. Слушай, что я изложу тебе о событиях и случившихся у нас происшествиях: когда я был в уединении, занятый служением своему Творцу, ко мне устремились коварные люди со злыми намерениями, направились ко мне с большим войском и окружали меня длительное время. Я попросил у них именем Аллаха, чтобы они оставили меня в покое в моем уединении; они не слушали меня и продолжали свои козни изо дня в день.

---

¹⁰ Тарки – одно из древних селений Дагестана, расположено недалеко от гор. Махачкалы. Бывшая столица шамхалов Тарковских. Речь идет о крепости Бурная, построенной русскими близ этого селения в 1821 г.

Со мной из моих приверженцев (асхабов) не осталось никого, кроме двадцати человек. Я убежал от них (от коварных) да отделил их Аллах, в пещеру, покинув свою родину. Затем я вошел в селение Ашильта, и туда они явились за мной. Я по-хорошему советовал им и просил их, чтобы меня оставили в покое, но они не приняли мой совет и просьбу. Тогда я сообщил об их делах твоему заместителю генералу Клугенау. Тот велел им оставить меня в покое и запретил им их деяния и коварство. Но не послушали его. Тогда я, засучив рукава, собрал свое войско, и с соизволения Аллаха сделал с ними то, что сделал и выполнил по отношению к ним божественное веление. Что касается прекращения военных действий и заключения с тобой мира, то я этого желаю без сомнения и постоянно ищу до сих пор.

Я не предпринимал зла и коварства против Ваших набов и крепостей, пока они сами не вознамерились господствовать над нами и двинулись на нас для войны и порабощения. Если соглашение будет достигнуто между нами, то оно будет распространяться на всех, кто находится в моем распоряжении из мусульманских войск.

Я не желаю ничего с вами, кроме мира, если вы оставите нас в наших краях, не принуждая нас ко всему, что мы порицаем.

Мир тем, кто следует по правильному пути». Конец письма Шамиля.

Краткое содержание этих событий таково: когда Газимухаммад узнал, что наместник направился на него с войском, он поспешил укрепить отдельные места гимринской теснины валом. Он построил дом для них (то есть своих приверженцев), которые были в количестве шестисот человек (Над строкой). Когда Газимухаммад и его войско приготовились к борьбе против русских, наместник напал на него со своим войском и окружил дом, где укрылись Газимухаммад, Шамиль и их сподвижники (асхабы) (Вставка на полях). Войска Газимухаммада были разбросаны по отдельным пунктам. Между противниками целый день шел сильный бой. Дом, в котором находились Газимухаммад и Шамиль, был окружен. Когда Газимухаммад убедился, что от русских нет спасения, и что он непременно будет убит, то он посмотрел на своих сподвижников и сказал, что смерть для человека неизбежна и что смерть вне дома, при нападении на русских, достойнее, чем смерть внутри комнаты, подобно испуганной от ужаса женщины.

Он покаялся перед Всевышним Аллахом, затем повторил формулу: «Нет божества, кроме Аллаха», прочел несколько стихов из Корана о достоинстве джихада (борьбы за веру) и смерти мучеником от рук русских, и, обнажив свою саблю, выскочил из комнаты и напал на них. Едва он поднял руку на солдат, как камень, брошенный с крыши дома одним из них, угодил в него. Он упал навзничь. Солдаты бросились на него со штыками и убили его.

Когда Шамиль из комнаты увидел, как Газимухаммада убили враги, то сказал своим сподвижникам: «После того, как погиб наш наставник (саййид), мы не видим в жизни чего-либо хорошего. Нам следует выступить и умереть». Потом он выскочил на улицу с гимринским муэдзином и с другими товарищами с обнаженными шашками (Вставка на полях) (проявил и здесь свойственное ему мастерство и с порога комнаты прямо слетел на врагов) (Этот текст вставка в верхней части поля). Этот прыжок, похожий на полет, был длиной в двенадцать локтей.

Время было вечернее; солдаты бросали в него камни с крыш дома, как и на Газимухаммада, (но шея его уцелела, однако камни проломили бок, было поломано восемь ребер, и это причиняло ему невыносимую боль в плече) (Текст на полях).

Когда Шамиль порывался уйти, один из солдат подскочил к нему, чтобы поразить его, но Шамиль, опередив его, прикончил врага. Другой также был убит, затем третий, но четвертый проколол ему левый бок штыком, который вошел в грудь и вышел со спины. Шамиль схватил переднюю часть ружья солдата и притянул его к себе прежде, чем тот вынул штык из груди Шамиля, и убил его; затем вытащил штык и бросил его.

Шамиль бросился спасаться; к нему подскочил в это время горский боец в бурке и, присел на землю, выстрелил из ружья, пуля прошла над головой. Шамиль покончил с ним несколькими ударами шашки, (хотя горец старался обороняться от него буркой) (Добавлено на полях). Это был пятый убитый рукой Шамиля в этот день. Шамиль стал искать укрытия от войск русских, он едва не рухнул на землю из-за большой потери крови, затем он скрылся за скалой. Так и оставался он здесь теряя силы. Тут к нему подошел гимринский муэдзин, который был в доме вместе с ним и который также получил несколько легких ран.

Когда он увидел Шамиля, воскликнул удивленно: «Как ты очутился здесь? Ей богу, я полагал, что ты убит». Муэдзин справился о его здоровье, затем попытался перетащить его в другое место, чтобы враги не обнаружили его. Шамиль ему сказал: «Ты не губи себя ради меня и ищи себе спасение, а меня теперь можно считать среди мертвых». Муэдзин поклялся, что не покинет этого места без него. Шамиль встал, опираясь на него, и пошел, как ребенок, который только начал ходить. Так они оба постепенно удалились и наконец, скрылись от русских. В этот день пали мучениками несколько человек из мюридов Газимухаммада; селение Гимры было сожжено, русские забрали тело Газимухаммада с собой, остальные шахиды были похоронены на кладбище Гимры, которое называется ныне кладбищем шахидов.

Шамиль добрался до селения Унцукуль, там лечил его гимринский Абдулазиз, отец его жены Патимат, матери его старших сыновей. Останки же Газимухаммада были похоронены в Тарки.

Когда имамство перешло к Шамилю, он отправил Кебедхаджиява из Унцукуля с двумя товарищами в селение Тарки, чтобы он раскопал могилу Газимухаммада и перенес прах его в селение Гимры, прах был перенесен и погребен на кладбище. Сейчас могила его находится там, посещаемая людьми, которые получают благословение через него.

Глава 2. О ВТОРОМ ИМАМЕ ГАМЗАТБЕКЕ ГОЦАТЛИНСКОМ (АЛ-ХУЦАЛИ)

После того, как Газимухаммад пал мучеником за веру, народ присягнул на имамство Гамзатбеку. Он был из эмиров знатного происхождения, авторитетным среди людей, храбрым, разумным, предприимчивым, прозорливым, проницательным. Он стал последователем Газимухаммада и начал исполнять законы шариата в Дагестане.

Сначала Гамзатбек стремился мобилизовать людей, привлечь их на правильный путь и подчинить их. Во время его имамства люди разделились на две группы: одна подчинилась и следовала ему, другая противилась ему, враждовала и боролась против него. Как только он подчинил жителей Койсубули, то отправился со своим войском в Аварию с целью подчинить ее правителей и все население.

Когда он достиг Аварии со своим войском и Шамилем, то потребовал к себе сыновей Баху-бике¹¹ -Нуцалхана, Уммахана и Булачхана. Когда они прибыли к нему со своими приверженцами, Гамзатбек начал переговоры с ними о введении шариата в Аварии и подчинении населения ему по части приказов и запретов.

Сыновья Баху-бике воспротивились его цели. Через несколько минут Гамзатбек вышел для омовения в реке Тобол, а с эмирами (ханскими сыновьями) остались Шамиль, мюриды Гамзата и остальные воины, стоящие в поле.

Во время переговоров товарищи Гамзатбека узнали, что Буга Цудахарский, который был в бегах за убийство сына Иманали, дядя Гамзата, находится среди хунзахцев. А до этого Буга бежал в Аварию из-за того, что он убил в Цудахаре одного человека; Гамзат потребовал выдачу убийцы, чтобы отправить его в Гоцатль к дяде для расплаты.

Хунзахские сторонники эмиров не согласились передать его в руки Гамзата. Из-за этого между мюридами Гамзатбека и сторонниками эмиров (хунзахских ханов) произошло столкновение (Весь этот текст на левом поле), началась перестрелка. Были убиты ханы и несколько человек с обеих сторон. Сторонники ханов обстреляли палатку Гамзатбека, они полагали, что он там, а в это время Гамзатбек на берегу совершал омовение для намаза. Его палатка в тот день была испещрена пулями, как сито.

(На полях: Булачхана -самого младшего из ханов- бросили в реку Унсукуль после избрания Шамиля на горе Арак меэр, в местечке Гортло-Кал (Хурукал, согласно воле избирателей имама.)

В тот день был убит Мурадбек, брат Гамзата, Чупан, двоюродный брат Гамзатбека и другие мюриды.

А из сторонников хана были убиты: известный ученый НурМухаммад ал-Авари (Хунзахский) и другие авторитетные мужчины ханши Баху-бике.

По возвращении Гамзатбека в палатку Шамиль поспешил доложить о случившемся, и они, встретившись посреди дороги, посоветовались о дальнейших действиях.

Все дошло до Баху-бике, события очень огорчили ее, она села на черный войлок и поклялась, что не покинет свое место, пока не покончит с Гамзатбеком или не выгонит его из аварских земель.

---

¹¹ Баху-бике, или Баху-Меседу-бике, дочь нуцала Аварии Уммахана (1774-1801), жена Султан-Ахмед-хана, правителя Мехтули, а затем и Аварии (1802-1823), фактическая правительница Аварии (1823-1834). Убита в 1834 г. сторонниками второго имама Гамзата.

Видя горе Баху-бике по своим детям, жители Хунзаха (Авар¹²) поклялись отомстить за убийство эмиров Гамзатбеку и его войску: или уничтожить Гамзатбека, или изгнать его войско из их земель.

Гамзатбеку было доложено об этом. Люди Хунзаха настаивали на убийстве Баху-бике, иначе она не даст покоя никому из мусульман. Гамзатбек не согласился убить ее, говоря: «Что же можно ожидать от женщины, нет пользы от ее уничтожения». Тогда они вторично настояли на этом и принудили ее покончить с ней. Тогда Гамзатбек велел своим мюридам отправиться во дворец ханши и забрать все ее имущество и собрать все то, что найдется в ее доме. Когда они прибыли к ней в Хунзах, то не нашли ее ценностей, так как она, узнав об их намерениях, спрятала все. Мюриды погрузили на две подводы все, что обнаружили во дворце. Сначала Гамзатбек распорядился отправить в Гоцатль все, что нашли у нее. А затем приказал вернуть имущество с дороги в Хунзах (Запись на полях).

Баху-бике схватили во дворце и повели на казнь. Палач всадил в ее шею кинжал, (но она не умерла); когда палач хотел нанести второй удар, Баху-бике сказала: «Хватит, хватит».

Теперь хунзахцы настроились против Гамзатбека и его войска окончательно. Несколько человек из них, в том числе и Осман, браг наиба Хаджимурада, поклялись убить Гамзатбека.

Когда близкие и друзья Гамзатбека, в первую очередь Шамиль, узнали об этом событии, они посоветовали удалиться из Хунзаха, иначе на него будет совершено покушение, и сказали: мы истинно знаем, что хунзахцы никогда не забудут убийства своей ханши Баху-бике и ее сыновей. Гамзатбек не захотел даже слушать их и сказал: «Если Аллах пошлет па меня хунзахцев и моя жизнь окажется в их руках, то, конечно, спасения мне нет; в противном случае присяга их ничего не стоит».

Однажды Гамзатбек пригласил несколько человек из тех, кто дал клятву убить его, чтобы испытать, не выдадут ли они своей клятвы? Но заговорщики заранее договорились не брать с собой никакого оружия, зная, что это хитрая ловушка.

Отправились они в шубах и шароварах, маскируя лицо так, чтобы оно побагровело. По очереди они вошли к Гамзату. Когда тот увидел их в таком виде, подумал, что будь это заговорщики, не явились бы в таком виде очень спокойно. Сердце Гамзатбека успокоилось, увидя их одежду и вид.

После их ухода Гамзатбек, обращаясь к тому, кто предупредил его о заговоре, сказал: «Не говорил ты, что они хотят убить меня? Клянусь Аллахом, мне не показалось, что они хотят этого. Если бы они хотели убить меня, то не вошли бы ко мне без оружия, делая вид, что ничего не знают».

Несколько дней спустя после этого случая Гамзатбек готовился в пятничный день пойти в мечеть для молитвы. В это время к нему явился его мюрид (испытанный храбрец, хунзахский Хаджиясул Мухаммад) (Добавлено на полях л. 21б), который раньше не говорил ничего о заговоре. От имени Аллаха он заклинал его не идти сегодня на пятничную молитву, ибо если он пойдет, то непременно его могут убить. Гамзат не послушался его и ответил, как и раньше. Он отправился в мечеть. Когда он вошел со своими мюридами, а среди них был и Гаджиясул Мухаммад, самый любимый им среди мюридов, и храбрый из них, встал глава заговорщиков Осман и обратился к своим сторонникам: «Почему вы не встаете перед величайшим имамом?», тем самым насмехаясь над ним. Все встали. Осман тут же встал перед Гамзатом, вынул из-под своей бурки пистолет и выстрелил в грудь Гамзата, говоря: «Стой, теперь, осел!»

Хаджиясул Мухаммад тут же вынул свой пистолет и выстрелил в Османа. «И ты стой, сын тирана», сказал он. Произошла резня между двумя группами и пятничная молитва не состоялась. Гамзатбек был доставлен домой мертвым. Шамяля в это время в Хунзахе не было.

---

¹² Авар. Этим термином нередко обозначали не собственно всю Аварию, а Хунзахское (Аварское) ханство, а также само селение Хунзах.

Через день Шамиль послал аварского Гунцала Хунзахского в Хунзах (Авар) разузнать о положении Гамзатбека, внушив ему, что на дороге он может задержаться только на три дня.

На четвертую ночь после его отъезда жена Гунцала постучала в ворота дома Шамиля, который был уже в постели, это было в полночь. Услышав стук в дверь, Шамиль встал, открыл ворота, а в воротах стояла жена Гунцала, которую он послал к Шамилю поспешно (Букв.: без устали), чтобы известить его, что он прибыл, но устал в дороге и потому не посетил его. И Шамиль узнал о смерти Гамзатбека в таком положении.

Глава 3. О ДЕЛАХ ТРЕТЬЕГО ИМАМА ШАМИЛЯ ИЗ ГИМРЫ

Родился он в селении Гимры (от отца гимринца и матери ашильтинки) (Эти слова зачеркнуты и заменены большой вставкой) из рода Пирбудага. Дед его в пятом колене Али из Газикумуха. (отец Шамиля Денга-Мухаммад происходил из аварских узденов, мать Баху Меседу дочь Пирбудага бека из Ашильты) (Текст записан между строк)¹³.

Шамиль вырос в Гимры. Когда достиг совершеннолетия, он подружился с имамом Газимухаммадом и учился у него. Ходил с ним по селениям Дагестана и равнинам мутаалимом (Имеются в виду горные (в данном случае аварские) и равнинные (кумыкские) селения). Они были закадычными друзьями, более того, они были как дети одних родителей; иногда между ними бывали дискуссии по вопросам науки и других духовных занятий. Шамиль, хотя и был младше Газимухаммада, в большинстве случаев выходил победителем, но и бывал побежден также в ряде случаев.

Как близкий друг Газимухаммада во время мутаалимства, Шамиль не разлучался с ним и во время имамства.

Первоначально Шамиля звали Али, затем, когда он часто стал болеть, переменили ему имя, как это было в обычае у дагестанцев, когда дети болели, и дали имя Шамиль Али. В разговоре зачастую опускали вторую часть, отсюда Шамиль. Этого имени ни в Гимры, ни в окружающих селениях, не говоря уже о его роде, нигде не было. Первоначально его звали Шамиль. Но он прочитал в книгах, что Шамиль это ошибочно, правильно Шамуиль (или Шамвиль). Это было имя одного из израильских пророков. Когда он узнал, что его имя совпадает с именем пророка, очень обрадовался и с того времени назвался Шамуиль.

Шамиль рассказывал, что он отправился однажды, будучи мутаалимом, в селение Эндирей к своему отцу Денга-Мухаммаду, а тот находился там по торговым делам. Когда Шамиль пришел в селение, ему сказали, что войска генерала Ермолова расквартированы на окраинах Эндирея. Это было первое появление Ермолова с войсками в Дагестане. Шамилю захотелось посмотреть вблизи русское войско, которое он раньше никогда не видел. Когда он подступил к селению, то увидел большое пространство, на котором были разбиты палатки; Шамиль прошелся между ними, с любопытством разглядывая их и военное снаряжение.

Случилось, что Шамиль заметил солдата с ружьем, который нес караул. А тот, увидев молодого Шамиля, подошел к нему и сказал: «Айда, татар, айда, айда!» А слово «айда» созвучно с дагестанским словом («пайда»), употреблялось солдатами в разговоре и означало «уйди». Шамиль выбрался из палаток и рассказал своему отцу, что видел. Шутя, Шамиль вспо-

---

¹³ К этому тексту дано дополнение на полях страницы рукой автора в первый день месяца мухаррам 1277 г. День рождения Шамиля был по этому счету (календарю). Он родился в 1212 году лунного календаря, который состоит из двенадцати месяцев, однако из-за того, что (там) шесть месяцев неполных и шесть полных. Таким образом, по этому счету Шамиль родился в 1798 году христианского летосчисления. И было Шамилю в этот день его рождения по указанному счету шестьдесят три года и одна неделя. И т. д. У Шамиля была сестра по имени Фатимат. Она была замужем за (неким) Мухаммедом, который вскоре скончался. Затем она вышла замуж за Хасбулата из Гимры, погибшего мучеником в Старом Дарго в 1264 (т. е. в 1848) году. Так эта сестра утонула в реке. Рассказывали, что Шамиль приказал во время осады Ахульго своим детям, чтобы они покончили с собой, если не будет надежды на спасение, и чтобы они не попались (живыми) в руки русским. Он вручил каждому из них (огнестрельное) оружие или кинжал. Если они не согласны с этим, то пусть бросятся в реку. Они согласились исполнить приказ Шамиля. Поэтому Фатимат бросилась в реку и утонула. У нее от первого мужа Мухаммеда осталась дочь по имени Меседу, которая дважды была замужем; (в первый раз) – за Алимухаммедом из Гимры, от которого родила Гамзатбека, ставшего заложником у русских после битвы в Телетле в 1252 (т. е. в 1836-1837) году. Последний умер в 1275 (1858-1859) году по возвращении из России, в чине капитана, и похоронен в крепости Анджи. От другого же мужа по имени Алимухаммед она родила сына по имени Мухаммед и дочь по имени Муминат, вышедшую замуж за Хусанил (?) Мухаммеда, родственника Шамиля. Все упомянутые выше – родственники Шамиля. «Подлинно родитель, известный горец, управляет садами и владениями, которые обеспечивают ему благостную жизнь».

минал потом, что если бы тот солдат на караульной службе узнал бы в нем будущего врага, то убил бы его тогда еще.

А Ермолов настолько был известен в Дагестане, что если плачущему ребенку скажут: «Молчи, а то Ермолов придет», он сейчас же умолкал.

Шамиль с детства любил ученых и благочестивых людей, постоянно общался с ними; ненавидел он пьющих спиртное и курильщиков табака.

Его отец Мухаммад любил выпить и часто бывал нетрезвым. Шамиль очень переживал и просил его не пить, (даже неоднократно заставлял его поклясться на Коранет (Добавлено на полях страницы)), что больше никогда не будет пить и прибавлял, что выпивка запрещена Аллахом и его посланником, и что поэтому следует воздерживаться от этого.

Отец согласился с этим и дал своему сыну обещание больше не пить. Но все же он не мог удержаться от выпивки, часто бывая пьяным и соседи смеялись над ним. Шамиль беседовал с ним вторично и еще не раз, но отец не внял его советам. Когда Шамиль убедился, что отец не может воздержаться от выпивки и пьянства, он подумал про себя: «У него нет другого сына, кроме меня, и самое дорогое для него это я. Я скажу, что если он будет продолжать пить, я убью себя, возможно, тогда он откажется от своего питья». С этой целью Шамиль отправился к отцу и дал знать знаками, что заколет себя, если тот не откажется от вина.

Зная решительность своего сына, отец испугался и стал умолять его именем Аллаха не делать этого, так как он раскаивается перед Аллахом за то, что пил и не будет в будущем пить. Действительно, отец Шамиля больше не пил.

(Отсюда видно, что Денга-Мухаммад очень любил своего сына, так как на него не подействовали присяги и уговоры, а только страх потерять сына в силу его решительного характера, так как убедился, что сын может зарезать себя) (Этот текст добавлен, на поле, с левой стороны). В подобных случаях в молодости Шамиль решительно придерживался шариата.

Мне сообщил гимринский муэдзин, который находился с Шамилем на месте гибели Газимухаммада, как и упоминалось мною выше, что среди молодежи селения Шамиль был самым способным и самым первым во всех делах: в прыжках, борьбе, плавании, в знаниях и прочих делах.

В гимринских садах есть большой квадратный камень, через который Шамиль со своими сверстниками прыгал, но не один из них не мог прыгнуть до той черты, которую достиг Шамиль. (И раньше, когда Шамиль был мутаалимом в селении Тануси, он выделялся ловкостью в прыжках и в других спортивных упражнениях. Вся молодежь Тануси признавала его первенство и не могла состязаться с ним. Отсюда у жителей Тануси остались воспоминания о необыкновенном искусстве Шамиля в спорте. Он оставил след своей ноги на казенной плите в Тануси, как вечную память о себе (Вставка, зафиксированная на внешнем поле листа).

Часто проезжие путники останавливаются в садах Гимры, чтобы увидеть этот камень и стараются перепрыгнуть через него, но до сих пор никому это не удавалось.

А что касается его искусства плавания, то он был непревзойденным пловцом своего времени. Однажды Шамиль рассказал мне, что между ним и Газимухаммадом произошел спор о плавании. Газимухаммад ему сказал: в нашем селении не было до сих пор человека, который переплыл бы Ашильтинскую теснину, где сливаются два Койсу и образуется громадный поток, водоворот, кипящий, как котел. Шамиль ответил ему: я смогу переплыть этот водоворот. Газимухаммад усмехнулся и сказал: главное не в умении плавать, а выбраться благополучно из этого места, стало быть ты поплывешь, но не сможешь выйти. Их спор кончился тем, что Шамиль не отказался от задуманного из страха перед гибелью: если спасется хорошо, если же нет то такова воля Всевышнего Аллаха.

Газимухаммад, Шамиль и несколько людей отправились к назначенному месту. Когда они дошли, Шамиль снял свою одежду и с кручи прыгнул в теснину. «Сначала, говорит Шамиль, несколько минут я оставался под водой, но будучи в силах выплыть на поверхность

воды; каждый раз, когда старался вырваться, вода с силой вталкивала меня вниз. Но все же мне удалось, пустив в ход сноровку, выбраться на поверхность. Затем старался спастись, пытался выйти к берегу, но оставался несколько минут в трудном положении. Каждый раз, как старался приблизиться к берегу, водоворот уносил меня к середине, так что я страшно устал и уже потерял надежду на спасение. Как мусульманин в предсмертной агонии, я повторил формулы единобожия. А река продолжала уносить меня. И вдруг посередине реки моя рука коснулась валуна. Я вцепился в него и немного отдохнул. Когда силы вернулись, я вышел на берег».

Газимухаммад издали наблюдал за Шамилем в воде. Когда он увидел, что Шамиль долго остается под водой и нет ему спасения, Газимухаммад сказал своим товарищам: «Ушел от нас наш друг. Говорил я ему, что нет спасения, если попасть в водоворот, потому что среди койсубулинцев нет никого, кто бы мог переплыть это место, но Шамиль не внял моим словам и решил доказать обратное и погиб». Но через некоторое время Газимухаммад увидел, что Шамиль идет за ним и (в шутку) (Написано над строкой) сказал ему: «Теперь я знаю цену твоей дружбы!»

Вот так, подобно этому случаю, Газимухаммад и Шамиль постоянно дискутировали между собой.

Однажды Шамиль рассказал мне следующее. В одном из дагестанских селений Газимухаммад и Шамиль были мутааллимами. Как-то раз Газимухаммад попросил человека, чтобы тот побрил ему голову, и сказал: «Ты должен побрить мне голову, не помочив ее». Обычно голову или бороду перед бритьем мочат водой. Кроме того, Газимухаммад повелел тому побрить голову против направления роста волос. Оба эти приема были тоже против обычного и причиняли боль владельцу головы.

Когда с бритьем было покончено, бривший сказал: «Как прекрасна моя бритва». Газимухаммад думал, что будут хвалить его, так как он выдержал такое неслыханное испытание (Букв.: совершил то, чего не слышал о другом в его эпоху), и сказал ему: «Эй ты! Смотри! Я думал, ты будешь удивляться, что я поступил сегодня против обычного среди людей, а вижу, что ты хвалишь свою бритву. Это несправедливо». Когда Шамиль спросил, почему он так поступил, Газимухаммад ответил, что сделал так, чтобы после его смерти люди вспоминали о нем хотя бы таким образом. И действительно воспоминание о нем сохранилось среди них.

Однажды Газимухаммад ел абрикосы, разрывая их на две половинки и наполняя их маслом. Такого раньше никогда не слышали. Когда его спросили, что это означает и для чего это он так делает, ответил так же, как и относительно бритья головы.

Я скажу, что подобными поступками он не надеялся на похвалу, так как и ему, и другим ясно, что эти поступки не заслуживают никогда похвалы. Вместе с тем, можно сказать, что сделано это было не напрасно. Самое верное то, что это горский взгляд (на вещи), не иначе.

Что касается Шамя, то он не отставал от него во многих делах, но не приходил в восторг от бесплодных поступков. Вместе с тем, он любил борьбу, прыжки, бег, плавание и выходить победителем в них.

Однажды Шамиль мне рассказал, что он был в селении Кудутль мутааллимом. К нему явился некий Маххулав, что по-аварски значит «сын кузнеца» (Букв.: «сын железа»), и говорит: «Я слышал, что ты большой мастер борьбы, сильный, и что среди койсубулинцев и иных никто не превзошел тебя в этом. Я хочу испытать тебя. Давай поборемся» (Букв.: встань ко мне).

Шамиль ответил: «Я вовсе не такой, как ты слышал, и сейчас у меня нет желания бороться. Оставь меня в покое». Тот продолжал настаивать на своем, думая, что Шамиль испугался его. Друзья Шамя стали уговаривать его помериться силами с тем. И уговорили. Шамиль увидел, что этот человек Маххулав возгордился, когда он уклонялся от борьбы, и они стали бороться на крыше мечети.

Мать Маххулава издали смотрела на них. В первой схватке человек обхватил Шамя за пояс и головой уперся в его грудь. Шамиль его тоже обхватил по спине. Борьба затягива-

лась. Почувствовав сопротивление этого Маххулава, Шамиль решил положить его на землю. От силы давления головы Маххулава в грудь послышался хруст (грудной клетки Шамиля), Шамиль разозлился и бросил его наземь и придавил ногами его живот, сказав ему с насмешкой: «Почему ты теперь не встаешь, баба?» Схватив затем противника за ногу, он стал его волочить по крыше мечети, говоря: «Сбросить на улицу, что ли?» В это время издали крикнула мать его: «Ради Аллаха, Шамиль, мой сын, мой сын!» Разозленный Шамиль ответил: «Эй, негодная! Если это твой сын, почему ты его около себя не держишь?»

Вследствие этой борьбы Шамиль целый месяц лежал больным. В другой раз Шамиль рассказал мне, что однажды на дороге он увидел молодого быка, который ревел, бил копытами и рыл ногами землю, взбивая ее над головой. Шамиль подумал: «Смотри на этого быка, он воображает, что на земле нет сильнее его. Я испытаю его и за рога повалю его на землю». Шамиль был тогда сильным юношей. Он подошел к быку и схватил его за рога и попытался повалить его на землю. Бык, даже не повернувшись к нему, стал бросать Шамиля из стороны в сторону. Шамиль не смог сдвинуть быка с места. В итоге этой схватки Шамиль смертельно устал, проболел месяц. Теперь он смеется над глупостью юности.

Однажды он рассказал о проделках в юности. Он часто отправлялся с юношами в сады. А в Гимры дороги между садами очень узки, так, что если встретишь осла, то пройти невозможно или ты или он должен уступить дорогу. А Шамиль в таких случаях, то есть когда встречал осла, перепрыгивал через него и шел своей дорогой, не дожидаясь, когда осел пройдет. Таких случаев у Шамиля было очень много, о них я не буду говорить, чтобы повествование не было очень длинным.

Теперь мы возвратимся к описанию присяги, данной жителями Дагестана на имамство Шамиля. После убийства Гамзатбека в Аварии, как было сказано раньше, собралось много алимов, раисов и знати Дагестана в местности Хуркукал на горе Арак. Среди прибывших на присягу были авторитетные люди, как Абдаллах из Ашильты, КурбанМухаммад из Чиркея (ал-Чиркави), Саид из Лгали, ХудайнатилМухаммад из Гоцатля (ал-Хуцули), Газиявдир из Караты, Сурхай из Куллы (ал-Куллави) и другие.

Когда все собрались, договорились избрать Шамиля имамом.

Шамиль обратился к ним: «Вам лучше, чтобы я стал помощником имама (В тексте: «визиром имама»), нежели имамом; поэтому вам следует выбрать имама среди вас; я же и раньше при двух имамах Газимухаммаде и Гамзатбеке был помощником, хочу быть им и при третьем имаме. Собравшиеся в один голос сказали: «Мы не видим среди нас более подходящего быть имамом, чем ты. Истинно, ты самый храбрый и знающий среди нас, самый совершенный».

Шамиль вторично настаивал на своем и обратился к Саиду из Игали, чтобы тот принял имамство. Но последний ответил: «Это не мое дело, я твердо знаю, что взять на себя имамство я не в состоянии».

Тогда Шамиль обратился к Сурхаю из Куллы, но и тот отказался, ответив так же, как и Саид.

Так продолжалось несколько часов, в течение которых уговаривали друг друга, но никто не соглашался. Когда же все убедились, что время проходит впустую, Саид из Игали обратился к Шамилю: «Ты более достоин быть имамом из всех нас, и если ты откажешься, то среди нас не найдется ни одного человека, достойного быть имамом. Если даже кто-нибудь и примет имамство, то он не будет пользоваться нашей любовью. А ты хорошо знаешь, что это собрание ждет избрания имама из нас и хочет вернуться к себе по домам. Если имама не выберут, то они не будут знать, к кому обратиться при надобности. А еще ты хорошо знаешь, что когда эти люди разойдутся, после их трудно будет собрать вторично; и русским это будет на руку, и они могут воспользоваться этим; тогда нам не трудно быть обманутыми. Ты это не понимаешь? Не хочешь нам добра?»

Шамиль задумался. Он понял, что Саид прав, и ответил: «Если дело обстоит так, как говоришь ты, тогда я возьму на себя тяжесть имамства, и ты хорошо знаешь. Саид, что проведение в жизнь шариата и политики среди наших людей очень трудное дело, имея в виду, что наши люди несведущи в правилах ведения войны. Однако ради общих интересов я согласился взять на себя такую ответственность, не вдаваясь в то, трудное ли это дело или легкое.

Присяга закончилась. Все были рады и поздравили его с имамством и молились Аллаху, чтобы оно было долгим и Божья помощь сопутствовала им в проведении закона пророка. Довольные, присутствующие разошлись.

С этого дня Шамиль приступил к своим обязанностям и стал подчинять жителей Дагестана себе, стремясь направить их на правильный путь, открыто и тайно, днем и ночью, и начал борьбу против тех, кто оказывал сопротивление.

Шамиль подчинил каждый дагестанский аул не один раз. Это потому, что Шамиль выступал против какого-нибудь селения, жители которого подчинялись, а через некоторое время они выходили из подчинения, тогда Шамиль вторично выходил на них и снова подчинял их.

Вот таким образом Шамиль очистил Дагестан от всякого упрямства и непослушания. Он обучал их законам Божьей веры, законам ислама, установил для них справедливость и правду, определил правильные исламские заповеди и нормы. Затем очередь дошла до Чечни. Сначала он отправился в селение Баян, а потом в Шобот. Он был тогда вынужден сняться с Ахульго под натиском войска Граббе, оставив своего сына Джамалуддина в качестве заложника у русских. Он испытал в это время большую горе: потерял своих жену Джавхарат и маленького сына Саида, а сестра его бросилась в Койсу.

Причина этих событий в следующем: когда начали подниматься к Ахульго, Шамиль обратился к своей сестре: «Сейчас необходимо нам направиться в Гох (Гох по-аварски холм, гора), так как русские на нас наступают. Если ты увидишь, что они тебя нагоняют, и нет от них спасения, то бросайся тогда в реку. Ты станешь мученицей».

Когда Шамиль и его последователи с женами и детьми поднимались на Ахульго, русские войска чуть не догнали их. Сестра Шамиля убедилась, что нет спасения, вспомнила слова брата, завернулась с головой в платок и бросилась в реку.

А жена Шамиля следовала за мужем с ребенком в числе других женщин. Русские стали стрелять в них. Жена его упала замертво на землю, сраженная пулей и оставалась лежать на месте смерти вместе со своим сыном Саидом, который кричал: «Мама, дай молока, я хочу есть!»

Когда Шамилю сказали, что маленький сын еще жив, находясь при мертвой матери, он спросил, кто пойдет за ним, и обещал много серебра. Но никто не вызвался, так как было рискованно: со всех сторон место это обстреливалось. Сам же Шамиль не мог идти будучи занят военными действиями. Интересы мусульман он поставил выше своего сына, который там и скончался. Если бы Шамиль ушел оттуда в другое место, то пострадали бы интересы мусульман, и Шамиль лишился бы и сына, и своих сподвижников. Это великая преданность (Букв.: ревность) со стороны Шамиля своему делу.

Когда Шамиль ступил на чеченскую землю, они поддержали его, как и жители Медины приютили Мухаммада, когда тот переселился туда из Мекки.

Чеченцы говорили ему: «Не переживай потерю Ахульго и горцев. Если они оставили тебя, то мы приютим тебя. Не беда. Мы будем воевать с тобой вместе против русских лучше, чем Дагестан». От этого сердце Шамиля успокоилось.

Затем жители Чечни стали стекаться к нему со всех сторон и проявили любовь к нему. Шамиль не жалел усилий, чтобы подчинить чеченцев, привлечь их к шариату, к исламским законам. Жители Чечни, как известно, были менее привержены к религии исламу, нежели дагестанцы. Шамиль тщательно сопоставлял и изучал оба края и пришел к выводу, что необходимо объяснение и исполнение всех установлений и правил шариата.

Шамиль назначил среди чеченцев муфтиев,¹⁴ мухтасибов, мудиров, кадиев, назначил из них тысячников, пятисотников, десятников. Устранил среди них все порицаемое по мере сил и открыл перед ними ворота смирения и поклонения, мечетей и медресе, салака, вакфов, закатов и других благотворительных дел; и перекрыл перед ними двери всего неприличного, как питье опьяняющих напитков, курение табака, языческие стихи, песнопения, всякие сборища и другие адаты, которые не соответствовали положениям Корана и хадисам посланника, а именно: убийства, исключая случаи возмездия, ограбление имущества людей, нападения, о чем мы расскажем подробно в нескольких следующих разделах.

---

¹⁴ Мухтасиб (араб. «контролер мер и весов», «инспектор») в имамате выполнял функцию контролера и инспектора; мудир – должностные лица в имамате, в ведении которых было несколько наибств. Должность мудира была введена Шамилем в 1845 г. и упразднена в 1849 г.

Глава 4. О НАЗНАЧЕНИИ НАИБОВ И О ТОМ, КАК ОНИ УПРАВЛЯЛИ

После того как Шамиль очистил Дагестан и Чечню от всех своих противников и упрямцев, он назначил в них «стоящих во главе тысячи», которые у нас назывались наибамми. Он установил для них специальные различительные знаки желтую чалму и две изготовленные из серебра, позолоченные бляшки на плечах с надписью: «Этот юноша проявил себя в сражениях, в бою он бросается как лев». Бляшки были удостоверены печатью Шамиля.

Назначение наибов происходило следующим образом: когда он хотел определить наибом в общество кого-либо из своих доверенных лиц, то он прежде всего приглашал его к себе и давал ему совет, содержание которого следующее: «Самое главное ты бойся Аллаха Великого в отношении дел тех своих людей, которых я передал тебе, назначая тебя главой над ними. Не подвергай их угнетению и не предавай их угнетателям. Будь к ним внимательным и милосердным, таким, каким бывает отец к своим родным детям. Чини над ними суд справедливый, беспристрастный. Не приближай к себе одного для дружбы и не отделяй от себя другого из-за вражды и неприязни. Будь для стариков сыном, для ровесников братом и для младших отцом и тогда ты в своем вилайате не найдешь никакого врага. Если ты будешь стремиться поступать вопреки этому правилу, и не будешь требовать справедливых поступков от своего народа, то первым долгом на тебя падет гнев Господа твоего, затем мой гнев и гнев народа, и тогда никогда не справишься тебе с делом». Набам разрешалось без представления имаму назначать пятисотенников над своими ополченцами и смещать, их, когда они захотят. Они имели право и на другие действия среди своих людей кроме казни, как рубить руку за воровство, чернить лицо и сажать на осла виновного, наносить удары плетью и т. д. Они имели право сами в своем вилайате назначать муфтиев и смещать их. А что касается казни преступника, действия которого привели к падению нравов среди подданных, то не было у наибов права на это, кроме как по совету с имамом Шамилем и при наличии неопровержимых доказательств (В оригинале написано на полях).

Назову наших наибов по порядку: В вилайате Анди был наибом Лабазан из Анди. Он был смелым, умным, красноречивым, справедливым, правосудным, авторитетным и в своем вилайате. Количество казненных в вилайате Анди за время его наибства достигло ста. Ни один не был казнен без вины. Он совершал казнь за шпионаж среди своих в пользу русских, за воровство, прелюбодеяние или другое преступление. Если бы он не был дерзким человеком с жестоким сердцем, то было бы больше порочности в его вилайате, так как наши мужчины из Анди не справедливы по своей природе, не правосудны и боятся из своих представителей власти только тех, кто твердо берется за них. Кроме того, среди них проявляется много притворства и распутства. Однако они всегда храбры. Они каждый раз, когда сталкивались с русскими, не возвращались домой без потери нескольких воинов из своей среды.

За справедливость, смелость и честность в делах любил Шамиль этого Лабазана. В начале имамства его он был помощником Шамиля, поэтому он его не смещал с должности наиба долгое время, несмотря на то, что люди стремились доносить на него. Об уловке этого наиба, чтобы подчинить жителей андийского аула Зило, сам Шамиль однажды, рассказал мне следующее: как-то он и Лабазан со своим отрядом направились в Анди для подчинения его жителей. Другие наибы со своими ополченцами были рассредоточены по другим селениям Анди, с целью покорения жителей. Наibu Саиду из Инхо было дано распоряжение привлечь для борьбы с русскими аул Зило. Он не мог войти в село, так как двое из главарей аула засели в укрепленные сакли в центре с несколькими вероотступниками с целью борьбы с воинами Саида. В один из дней от Саида к Шамилю прибыл связной и передал следующие слова Саида: «Я окружил

Зило на несколько дней в надежде, что жители его придут с покорностью, а теперь я вижу, что группа отступников укрепились в домах с намерением бороться со мной. Они ко мне не идут и другим жителям села не позволяют ко мне прийти. Мои бойцы не хотят входить в селение, боясь смерти. Какое мне будет приказание теперь? Возвратиться или вступить в село любой ценой? Когда связной Саида пришел, Лабазан стоял возле Шамиля и он сказал Шамилю: «Ради Аллаха разреши мне пойти в Зило. Увидишь, что я с ним сделаю». Шамиль сказал ему: «Ты нужнее мне здесь и полезнее, чем в Зило».

Он попросил вторично разрешить пойти, и Шамиль, видя его настойчивость, разрешил и тот пошел пешком. Когда он достиг дороги к Зило, крикнул наibu Саиду, как бы броня его «Почему ты распоряжаешься нашими людьми и выгоняешь их из аула?» Когда обороняющиеся в доме увидели Лабазана, ругавшего Саида, разрешили ему войти в дом, полагая, что он пришел помочь им, убежав от Шамиля. Лабазан же приблизился к отступникам, обнажил саблю свою и, пользуясь их замешательством, быстро нанес удар по их шеям. Так он ввел в аул отряд Саида. Потом Лабазан шутил, говоря при этом: «Эх ты хиндаец, настоящий герой должен вот так поступать, и показал на себя, а не так, как ты». Селение Зило было подчинено благодаря храбрости Лабазана, и за это Шамиль его очень любил. Заслугой этого же Лабазана было и подчинение аула Анди.

Наибом над аулом Ичичала был Кади из Ичичала. Он считался алимом, «обладал своим мнением», был храбр и пользовался уважением в своем ауле. Шамиль его любил за решительность и верность. Долго не снимал его с должности наиба, несмотря на множество доносов на него. Над ботлихскими аулами сначала наибом был Шахмаидарил Хаджийав из Чиркея. Он тоже был алимом общительным, тонким, но не был храбрым. За знания и давнюю дружбу и усердие в религии Шамиль любил его, а когда сместил, на его место был назначен Исмаил из Ботлиха. Он был героем, любимцем в своей общине, приятелем Газимухаммада сына Шамиля, погиб в битве при Буртунае. Над обществом Технуцал наибом являлся известный Хаджимурад из Аварии. Впоследствии он был переведен наибом Аварии и на место его был назначен Хаджийав из Шотроды алим, человек трусоватый (буквально средний между трусостью и смелостью) и очень много разглагольствующий на собраниях.

Над таббуртийцами, известными как гарбилцы, был наибом Гьада из Чарбили. В сражениях он был смел, дружил с Газимухаммадом, алимом он не был и не отличался умом. До него там управлял старый соратник Шамиля Нурали из Арадериха. Шамиль его любил за храбрость, справедливость и его авторитет среди народа.

Над чамалалцами Микаил из Гьаквари – богомolec и известный храбрец, пользовавшийся уважением у Шамиля. Он имел множество ран, из которых наиболее опасная была рана от штуцера, пробившая ему шею на вылет. Он умер от болезни в своем доме. Затем на его место поставили Гаджардибира из Гагатля. Он был алимом, храбрецом. Впоследствии пал в битве с русскими.

В аулах сильдийцев на границе с Тушетией и общиной Грузии наибом был коротыш СагитилМухаммад из Сильди, известный храбростью и оставшийся наибом до завоевания Дагестана. Шамиль его любил за остроумие. Над багулалцами наибом был Баширбек из Газикумуха спокойный, здравомыслящий, уважаемый среди народа наиб. Впоследствии Шамиль узнал, что он тайно дружил с Агларханом Газикумухским, снял его с должности наиба и назначил на его место Шамхалдибира алима из Хилитури. Затем Шамиль взял Баширбека преподавателем своего сына Газимухаммада и он жил у него некоторое время, а затем поставил наибом над багулалцами. Он погиб в Чечне и враги отрубили ему голову. На его место наибом был поставлен Селимдибир алим из Хуштады. Он тоже погиб в Чечне.

Над тиндальцами Закарияхаджийав из Хуштады алим из рода алимов Мусалава Хуштадинского, известного в Дагестане. Он был уравновешенным, верным и справедливым человеком среди своих людей. Над жителями селения Харахи и тех аулов которые вокруг него, наи-

бом был назначен Мухаммадамин из Харахи. Он был алимом, не был трусом, многих людей замучил, убил и бросил в реку. Долго оставался наибом. Однако был смещен, когда Шамиль переехал в Дагестан, в село Ичичала. На его место был назначен учащийся примечетской школы Шейхулислам из Ороты, преподававший сыну казначея Шамиля Хаджиава, последний и явился инициатором назначения его наибом, предварительно расхвалив его перед Шамилем. Однако существенной пользы от него не было, так как он в действительности был муталлимом, а не наибом.

Над селениями каратинцев в первое время наибом был алим, уважаемый среди своего общества Галбацдибир из Караты человек здравомыслящий, решительный, усердно защищавший шариат и устанавливавший его устои серьезно и основательно. Затем Галбацдибир управлял территорией андийцев и был смещен. Это случилось из-за того, что доносчики сумели отвлечь от него Шамиля. Однако он не покинул Шамиля даже на горе Гуниб. Галбац умер по пути в паломничество. Над территорией каратинцев, которой управлял Галбац в качестве мудира, был назначен сын Шамиля Газимухаммад. Он жил в селении Карата до тех пор, пока не переехал в Гуниб. Так как он был сыном Шамиля, его уважали люди и довольно часто обращались к нему. У него была сосредоточена большая часть дорогого оружия и других ценностей из золота и серебра, взятых из казны (Официально казна и казначей находились при Шамиле) по причине того, что Карата была более укреплена чем Дарго (При Абдурахмане Шамиль (с июля 1845 г.) находился в Новом Дарго.). Когда он переселился в Гуниб, перевезена была туда вся без остатка и казна, находившаяся в Карате. Когда Гуниб был завоеван войсками князя Бяратинского, содержимое казны уплыло в разные стороны часть из нее попала в руки Даниялу из Илису, а другая часть в руки других.

Над жителями Гидатли сначала был наибом Гитинав Гидатлинский друг и близкий человек Газимухаммада, погибший при сражении в Буртунае от шальной пули штуцера, которая была пущена издали и случайно попала ему в голову. На его место был назначен Абдурахим, сын Баширбека Газикумухского и зять Даниял-султана. Он был человеком, любившим компании и занятия развлечениями для своего удовольствия. Благодаря тому, что покровительствовали ему и Даниялбек, и Газимухаммад, он продержался на должности наиба до завоевания Дагестана.

Над аварцами наибом был известный предводитель Хаджимурад Аварский. Его боялось все население, примыкающее к границе Дагестана. Особенно плоскостные и даргинские жители. Он совершал набеги на них. Однажды он напал на окруженную земляными рвами Темир-Хан-Шуру и разорил лазарет, полагая, что это богатая торговая лавка. Когда он в спешке убирался оттуда, его сообщники утащили из лазарета матрацы и подушки для больных. Другой раз он совершил набег на село Верхний Дженгутай и захватил оттуда в плен ханшу Нухбике жену генерала Ахмад-хана Мехтулинского. Она была увезена в Аварию и они (Хаджимурад и Нухбике) были как муж и жена. Когда услышал Даниялбек Илисуевский эту весть, почувствовал сильное отвращение и тяжесть на душе. Он обратился за помощью к Шамилю и моему отцу, попросил у них приказать Хаджимураду освободить ее за пять тысяч рублей (манат). Однако Хаджимурад требовал за Нухбике пять тысяч рублей и рабыню, взятую Даниялбеком в любовницы. Даниялбек давал упомянутое серебро и не соглашался отдать рабыню. Что касается Хаджимурада, то он не хотел брать серебро, кроме как вместе с рабыней, если бы даже Даниялбек прибавил еще столько же серебра, то он бы не взял их из-за того, что они оба были врагами. Хаджимурад хотел унижить его, отобрать у него рабыню, которую тот очень любил. Зная это, Даниялбек не желал отдавать ее и он попросил имама содействовать освободить ханшу Нухбике. Имам ответил, что он не заставит Хаджимурада отпустить ее домой, если он и сам этою не захочет. Если он желает этого, то он не воспрепятствует ея желанию. В конце концов, Хаджимурад добился своего, отпустил Нухбике, получив серебро и рабыню. Его наибоство длилось долго.

Как-то раз он был отправлен в Хайдак со своим конным отрядом после того, как они просили Шамиля в секретных письмах послать надежного человека к ним. Когда он достиг селения Буйнак, то убил правителя Буйнака Шахвали, пленил его жену Султанат с двумя сыновьями и возвратился оттуда. Люди стали доносить Шамилю на него, что он не проявил интерес к делам жителей Хайдака, пока был у них, а погружен «был всецело в наслаждения. В то время Шамиль сместил с должности наиба Хаджимурада, чтобы для других наибов, которые делают упушения в службах, было уроком. Но вместе с тем у него было намерение назначить его по истечении некоторого времени вторично, т. к. он был полезный, прославившийся предводитель в своем управлении. Хаджимурада задело это смещение и он говорил: «Как имам посмел сместить меня, когда я являюсь наибом, сделавшим врагам то и то, я помогал ему в дни трудные и в дни благополучия! Разве я потерплю это». Наибом аварцев тогда был назначен Хаджиясулмухаммад из Аварии, прославившийся в битвах. Он был убит (ТаймасханилМухаммадом) ударами кинжала в бок в хунзахской мечети, когда тот вы ходил после моления, из-за того, что клеветники нашептали ему, что он имел близость с его женой. Этот Таймасханилмухаммад приходился лучшим другом Хаджимураду. Когда Хаджимурад пребывал в таком смятении, к нему в Батлаич собралось около пятисот бойцов-аварцев с намерением бороться с Шамилем. Они договорились об этом секретно от имама. Когда Шамиль узнал намерения Хаджимурада и его сторонников, то собрал войско вокруг Батланча, в котором укрепился Хаджимурад, и приказал этим войскам окружить Хаджимурада и его последователей, пригнав пушки и поставив их вокруг села. Вследствие этих события в сердцах людей появилась глубокая тревога и они говорили: «наши дела теперь не выправятся». Беспокойства, особенно всякого рода рассуждения, проникли среди мюридов, живших в Дарго. Когда два человека встречались на дороге, то разговор шел о Хаджимураде. Шамиль, узнав о распространившихся между мюридами тайных шептаниях, об их спорах и сомнениях, сам отправился в Хунзах. Хаджимурад со своими последователями оставался осажденным несколько дней. Затем авторитетные улемы усердно принялись добиваться от Шамиля прощения Хаджимураду за его нерадение допущенное им по собственной вине. Они хотели примирить их. С этой целью решили привести Хаджимурада к Шамилю, рекомендовав ему быть благоразумным и искренним.

Несмотря на то, что войско имама осталось вокруг Хаджимурада с большими орудиями, все же люди не успокаивались. Они говорили: «Если Хаджимурад начнет атаковать нас, то он, несомненно, обратит нас в бегство и откроет себе дорогу промеж нас туда, куда устремится». Это было действительно так, если бы он внутренне намеревался нанести удар мусульманам. Однако он этого не хотел. Подтверждением этому служит то, что князь Орбелиани секретно направил к нему начальника Саида из Гоцатля, чтобы тот сказал ему: «Я знал, что ты хочешь оказать сопротивление Шамилю. Ты делаешь благое дело и ты способен на это. Я буду помощником тебе, если ты захочешь, и отправлю войско туда, куда ты пожелаешь». (С посланником было специальное письмо, содержание которого мне не известно, однако слышал, что письмо было на языке жителей плоскости: «Мал да кьан да кьарт болмас эски душман дост болмас». Перевод на арабский будет таков: «Деньги и кровь не заржавеют, старый враг другом не станет». Орбелиани, приводя эту поговорку, хотел напомнить Хаджимураду событие, происшедшее в день убийства его брата Усмана мюридами, чтобы это способствовало усилению его гнева на Шамиля). Хаджимурад ответил, что он не нуждается в войске князя Орбелиани и что ему достаточно своих последователей, если дело дойдет до войны. Улемы и уважаемые и добрые люди заключили перемирие между ними до того, как дело дошло до столкновения, которое едва не случилось. Хаджимурад пришел к имаму, каясь и прося прощение за свои проступки. Имам посоветовал ему более не намереваться совершать подобное дело. Затем он был вторично назначен наибом.

В то время как он пребывал в таком приятном состоянии, завистники и клеветники нашли удобный случай, чтобы расстроить отношения между ними в третий раз. Они донесли

ему, что имам имеет намерение убить его и что он еще не забыл проступок, который он совершил. Когда Хаджимурад услышал это сообщение, отправился с несколькими мюридами к имаму. Достигнув селения Анди, остановился в нашем доме, а раньше он останавливался у своего андийского кунака. У нас он остановился, опасаясь врагов, которые сыскали ему дурную славу перед Шамилем в первый раз. Что касается моего родителя, то он очень любил его и называл сыном, а он его отцом. Тем не менее, у нас он всю ночь не засыпал, ибо был наполнен тревогой. Для своей охраны он поставил одного мюрида стражником на крышу дома, а другого у ворот. Что касается моего отца, то он в тот момент не был в Анди. Когда приблизилось время рассвета, он отправился в сторону Дарго. Там он останавливался в доме Муртади из Уркачи, который был сотником над мюридами Шамиля, и являлся другом Хаджимурада. И прежде чем пойти к нему, он зашел к моему отцу, как это он делал всегда, когда приезжал в Дарго, и рассказал ему о случившемся. Мой отец сказал: «Все, что ты слышал, чистейшая ложь и наговоры завистников, которые желают твоей гибели, так что ты не верь разговорам врагов».

И поклялся ему мой отец в том, что любит и уважает его и что это он знает достоверно, так как между ними (между Шамилем и Джамалудином) нет такой тайны, которую не сообщает один другому. Он сказал ему: «Я увижу имама до того, как ты увидишь его, и спрошу у него об этих обстоятельствах, которые досаждают твоей душе. Не терзай себя, сын мой, дай покой своему сердцу». Хаджимурад пошел к Шамилю и сказал ему: «О имам, поистине завистники не дают мне покоя и передышки. Они угрожают мне тем, что ты хочешь убить меня». Шамиль объявил ложным этот разговор и сказал ему: «Ты не верь словам доносчиков. Я не позволю причинить тебе какого-либо ущерба, не то чтобы убить. Когда ты думаешь, что я не забываю, как ты поступил в прошлом и рассказываешь об этом, я очень сожалею, что у меня нет побольше набов подобных тебе. Как убью тебя единственного героя в моем вилайате! Возвращайся же к себе домой, успокой свою душу». И он вернулся оттуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.